

—
Вечером Чжан Фаньюань остался на ужин. Хотя ужинали рано, но приближалась глубокая зима, дни короткие, ночи длинные, темнело всё раньше.

Выйдя из дома четвёртого дяди, он прошёл несколько шагов и услышал шелест, будто падал снег. Маленькие снежные шарики отскакивали от его плеч на землю. Он невольно пожал плечами, искоса взглянул на тёплый жёлтый свет, пробивавшийся из окна дома семьи Сюй вдалеке, и в сердце вдруг потеплело.

Не прошло и пары дней, как жители деревни заметили, что Чжан Фаньюань снова стал неуловимым, ворота его дома часто плотно закрыты, неизвестно, куда он снова пропал.

Деревенские говорили, что, наверное, после неудачного сватовства ему неловко показываться в деревне. Кто-то утверждал, что его потрясло, и он снова отправился безобразничать в город. В общем, мнения разделились, никто не знал, чем занят этот мясник.

В любом случае, пользы от него было немного — только резать скот. Но после случая с семьёй Гуан кто захочет иметь с ним дело? Лучше пригласить мясника из другого места, чем связываться с ним.

Между тем Чжан Фаньюань, неся на спине свой набор инструментов для забоя свиней, уже давно ходил по тропинкам между полями других деревень.

Он ударял разделочным ножом о точильный брусок, железные лезвия издавали холодный звон, разносящийся ветром далеко вокруг.

Это был особый сигнал мясников. Услышав его, деревенские жители сразу понимали, что пришёл мясник забивать скот.

Не жалея сил, он обходил деревню за деревней, двигаясь вниз по направлению к главной дороге.

Если в его деревне не хотели, чтобы он резал скот, он шёл в другие. Сейчас уже глубокая зима, многие семьи режут скот для продажи или на Новый год, деревенские мясники часто не справляются с заказами, и Чжан Фаньюань подхватывал свободные заказы. И действительно, кто-то, услышав звук, звал его забивать скот.

— Я обхожу деревни и режу скот. Сначала скажу ясно: мясо не беру, только деньги.

— Сколько берёшь за голову скота?

— По рыночной цене.

За забитую свинью — от двадцати пяти до сорока вэней, в зависимости от щедрости хозяев. Чжан Фаньюань делал скидку за большой объём, резал и другой скот, например, овец.

Чжан Фаньюань говорил прямо, деревенские жители, видя, что инструменты у него в порядке, а сам он крепкий, понимали, что мастер. Да и платить деньгами — ничего страшного, всё равно отдавать мясо, потроха — всё это тоже деньги, никакого убытка. Так что звали его, быстро собирали братьев и соседей, чтобы зарезать свинью.

В других деревнях Чжан Фаньюаня не знали, мало кто слышал о его репутации в своей деревне. Но, видя, как он ловко режет свинью, снимает шерсть, разделывает мясо — всё делается легко и быстро, и хозяева, платя по минимальной рыночной цене в двадцать пять вэней, не ворчат, все считали его прямым парнем. Не как некоторые мясники, которые и поедят, и мясо возьмут, и денег ещё хотят, а если денег не дают — больше мяса просят. Мясников мало, и деревенским приходится мириться, молча проглатывая обиду.

Сразу же, как только в той семье зарезали скот, Чжан Фаньюаня пригласили в следующую. Он работал чисто, да и силы у него были, за день мог подряд зарезать с десяток голов скота без усталости, куда звали — туда и шёл.

Деревенские радовались: все резали свиней в один-два дня, помощники те же, каждая семья вносила что-то, это было экономнее, чем резать по отдельности в разные дни. И весело, и хозяева экономили на расходе мяса, почему бы и нет.

На какое-то время местные мясники остались без работы, но уж слишком они уступали Чжан Фаньюаню в умении.

Чжан Фаньюань ходил по деревням несколько дней, работал молча, тщательно запоминая, в каких деревнях много скота, в каких семьях больше.

Если в какой-то семье попадал на обед, ел суп из свежего мяса — и вкусно, и деньги зарабатывал. Казалось, дни проходят куда веселее, чем слушать сплетни в деревне.

Больше половины месяца он обходил деревни, забивая свиней, побывал во многих деревнях, ушёл далеко, денег в кармане становилось всё больше. Подсчитав, он обнаружил, что набралось уже больше тысячи вэней. Медяки тяжёлые, и он прекратил работу, пошёл в городскую меняльную контору обменять на серебро.

Большой узелок медяков обменяли на маленькие серебряные слитки, положить в карман стало намного легче. Ощущение от заработанных денег было таким надёжным, что не хотелось возвращаться домой.

Он как будто прозрел. Возродившись, он не хотел повторять участь одинокой старости и смерти, потому и спешил обзавестись семьёй. Но не понял, что, не устроившись в жизни, трудно создать семью. Получив удар по голове, он, наоборот, протрезвел.

Вместо того чтобы слушать сплетни в деревне и не находить невесты, лучше направить мысли на заработок.

Выйдя из меняльной конторы, он сразу отправился в конный двор, чтобы выбрать скотину и сделать телегу.

— Какую скотину хотите — выбирайте сами, смотрите. Молодые, нежные, крепкие, старые — все есть.

В конном дворе было несколько длинных рядов крытых навесов, разделённых на отдельные стойла, лошади и волы содержались отдельно. В стойлах были проёмы, чтобы было удобно смотреть.

Войдя во двор, сразу чувствовался запах скота, смешанный с навозом и мочой, пахло отвратительно. Но людей внутри было немало, многие пришли посмотреть на скот.

Лошади и волы были чрезвычайно важными орудиями труда и транспортом, только зажиточные семьи в деревне, у которых были свободные деньги на покупку этой скотины, могли позволить себе такую роскошь. Конечно, те, кто специально зарабатывал извозом на волах и лошадях, — отдельная история.

Чжан Фаньюань тоже колебался: выбрать вола или лошадь. Он планировал запрячь телегу не для извоза, а специально для перевозки вещей.

Сам не мог решить, хотел позвать конного торговца, чтобы тот посоветовал, но те лентяи, закинув ногу на ногу в тёплом шатре, даже не шли встречать гостя.

Чжан Фаньюань громко крикнул пару раз.

— Незнакомый, похоже, впервые пришёл.

— Таких больше всего не люблю, надрываешься, объясняя, а он всё равно не купит. Кому нечего делать — пусть идёт смотреть.

Несколько старых пройдох перекладывали друг на друга, не желая двигаться. Волы и лошади не как свинина, которую, поскрипев, ещё можно купить немного. Скотина за несколько тысяч вэней — если бы каждый пришедший мог купить, дела в конном дворе шли бы хорошо.

Большинство приходивших сюда только смотрели, не покупая. Если кто-то после нескольких визитов всё же решался — уже достижение. Даже при аренде многие приходят три-пять раз, прежде чем внести залог.

Для тех, кто пришёл впервые, старые пройдохи ленились даже рот открывать.

— Может, я пойду посмотреть?

Несколько человек, взглянув на добровольца, усмехнулись:

— Ладно, Юаньцюань, ты недавно пришёл, больше смотри, лучше узнаешь наш конный двор.

Через некоторое время Чжан Фаньюань увидел подбежавшего конного торговца не слишком старого возраста. Он был немного недоволен, но ничего не сказал.

— Какие у вас цены на волов и лошадей?

— Брат, у нас много разной скотины, цены не фиксированные. Волы примерно от восьми тысяч до двадцати тысяч вэней, лошади дороже — от десяти тысяч и выше без предела.

Чжан Фаньюань знал, что цены на породистых скакунов пугающие, но он не вельможа, ему совсем не нужно связываться с такими лошадьми.

Торговец вежливо спросил:

— Брат, не скажете, для каких дел вам нужна скотина? Если больше для полевых работ, лучше стоит купить вола: и землю пахать, и телегу запрягать для перевозки вещей, и соседям давать в аренду — деньги или корм брать. Если больше для торговли в разъездах, лучше лошадь. Во-первых, быстрее бегают, не так медлительна, как вол, во-вторых, размером меньше. В разъездах по делам навоза и мочи у лошади меньше, чем у вола, проще убирать.

Чжан Фаньюань подумал, что торговец говорит правду, и у него появились соображения:

— А сколько стоит крепкая лошадь?

— За выносливую лошадь минимум двенадцать тысяч вэней, но у нас в конюшне лошади хорошего качества, даже самые слабые очень выносливы.

Чжан Фаньюань прикинул — скотина оказалась в несколько раз дороже приданого для невесты, действительно не по карману.

Он прямо сказал:

— Дорого.

Эти слова были на уме у многих, просто не произносились вслух, обычно люди долго ходили вокруг да около, выражая эту мысль. Юаньцюань подумал, что сделка не состоится, но вдруг услышал:

— Есть что-нибудь за восемь тысяч вэней?

— Примерно за восемь тысяч — обычно молодые жеребята, недостаточно сильные, чтобы нести тяжелые грузы, нужно растить.

Чжан Фаньюань невольно вздохнул. Раз так, придётся ещё подкоптить и тогда прийти посмотреть.

Торговец вдруг вспомнил и поспешно сказал:

— Если брат действительно хочет купить, может, посмотрите эту? Взрослая крепкая лошадь, только когда привезли, одна нога была ранена, купите — сразу не поедете, нужно подержать. Можно за восемь тысяч.

Чжан Фаньюань последовал за торговцем в угловую конюшню. Там была вороная лошадь, выглядела неплохо, высокая, крепкая, явно способная тянуть тяжелые грузы. Но недостаток в том, что действительно задняя левая нога травмирована.

— Если бы была здорова, продали бы больше чем за десять тысяч, вот из-за раны и уценили.

— Кость не повреждена? Сможет ли зажить?

Торговец сказал:

— Если хорошо ухаживать, конечно, сможет. Если не заживёт, практически испорчена, наш конный двор и не взял бы.

Чжан Фаньюань приблизился, чтобы рассмотреть раненую ногу лошади, потрогал её.

— Брат, будьте спокойны, если бы были проблемы с костями или сухожилиями, приходите — верну деньги.

Чжан Фаньюань сказал:

— Семь тысяч пятьсот вэней. Если согласны, сегодня плачу и забираю.

— Ой, это... — Юаньцюань ещё ни разу не продавал скотину здесь. Не думал, что подкинутый старыми пройдохами мяч окажется потенциальной сделкой. Только сбитая цена оставляла ему

ни копейки прибыли: — Брат, за семь тысяч пятьсот я только в убытке останусь.

Чжан Фаньюань тоже не торопился. Если получится — заберёт лошадь, будет выхаживать, после Нового года поедет. Если нет — вернётся, подкопит денег. В любом случае, нужно подождать, прежде чем начать свой небольшой бизнес.

Юаньцюань, видя, что гость сомневается, смягчил тон:

— Вижу, брат — человек искренний, семь тысяч восемьсот — и забирайте лошадь. С вашей сделки я ни копейки не заработаю. Просто я недавно пришёл в этот конный двор, если ничего не продам, хозяин меня не оставит.

Чжан Фаньюань задумался на мгновение:

— Ладно.

Он не удержался, потер руки и похлопал лошадь по спине.

Бережливость начинается с торга.

Сделав с торговцем расчёт и оформив передачу, он получил лошадь.

Торговцы конного двора, глядя на удаляющихся человека и лошадь, повернулись к Юаньцюаню:

— Ну ты даёшь, так и продал?

Юаньцюань много не говорил:

— Денег не заработал.

— Тц, даже если не заработал, но сделка-то состоялась! Знай я, что тот намерен купить, сам бы подошёл.

Приближался Новый год, пробыв столько времени вдали, Чжан Фаньюань не собирался больше обходить деревни, а повёл лошадь обратно в деревню Цзицзю. На этот раз он не только потратил все деньги, заработанные в деревнях за убой скота, но и вложил свадебные накопления. Серебряный браслет тоже заложил, но он был знаком с хозяином ломбарда, дал немного денег, чтобы тот сохранил браслет для него. Как только будут деньги, он первым делом выкупит его.

Тот серебряный браслет не был какой-то диковинкой, в ломбарде много серебряных украшений, и хозяин не спешил сбывать его, так что он согласился.

Он вернулся в деревню уже довольно поздно. Добравшись до горной долины, издали увидел, что кто-то ещё копает землю, силуэт очень знакомый.

Шаги Чжан Фаньюаня стали легче, он уже собирался подвести лошадь и поздороваться, но к тому человеку сначала подошёл молодой мужчина, любезно позвав:

— Хэ гер.

—

От автора:

Чжан Фаньюань: Успешный мужчина начинается с того, что сначала появляется транспорт.

—

<http://bllate.org/book/13886/1265469>